

Валентин

Осинов

АЛМА-АТИНСКИЕ МЕСЯЦЫ ВАСИЛИЯ КЛОЧКОВА

«В октябре месяце 1940 года приехал в г. Алма-Ата,
где жили родители жены...»

Из анкеты героя этого очерка

Паровоз в последний раз пыхнул – вокзал! Путь был с берегов Волги. И вот новый город с таким диковинным именем. Если перевести на русский: «Отец яблоч». Он сходу поразил 29-летнего Василия Георгиевича Клочкова.

Всё необычно. Казахи на привокзальной площади, охотливые на пояснения, как в центр уехать... Из радиорепродукторов льются прихотливые казахские песни попеременно с привычными русскими... Кажется, что совсем-совсем рядом горы, величественные своей первозданной дикостью... Ещё удивляющая достопримечательность: высоченные пирамидальные тополя, которые выстроились рядами, как стражи заманивающе журчащих арыков... Осень, но радует слепящее солнце...

Мирно!

Въехали в город: столица! Многолюдье! Там и сям вывески наркоматов, институтов, афиши театров... Всё ещё роскошны своим многоцветьем ухоженные бульвары... Но вот свернули от центра к дому родителей жены: невыбита трава на обочинах, зычно кликушествуют ишаки и за впрямь деревенскими заборами – ветвистые яблони и груши...

Приехали: Скотоводческая, дом 3 – семья тестя, школьного учителя. Здесь всё пышет добротой и уютом. Мирная жизнь... Вот бы так на всю жизнь ему, жене Нине Георгиевне и дочуре со звучным именем Эльвира.

Сестры жены запомнили для истории немаловажное о своём родиче: «Веселый и остроумный был, непоседа. Он очень любил, когда по вечерам и в выходные дни собирались за одним столом. Папе помогал ухаживать за нашим молодым садом...»¹

Не привык к безделью: надо устраиваться на работу. Но где её искать в большом столичном городе Клочкову с опытом начальника городского общепита волжского городка Вольск? Хотя, он уже член правящей тогда партии коммунистов. В его жизни ярко проявилось и то, что был внештатным корреспондентом городской газеты (где почти всегда обозначал себя острой критикой!) и имел звание полит-

¹ Собирая факты для биографии В. Клочкова я начал в 1958 году, работая тогда в редакции казахстанской молодежной газеты «Ленинская смена».

рука тогдашнего оборонного общества ОСОАВИАХИМа, а еще волейболист и признанный заводила организовывать своих сослуживцев на пикники с выездом на лоно природы...

15 октября стал новоселом, а еще через 14 дней пишет заявление в Наркомат торговли республики («наркомат» – так в те времена краткости ради именовались высшие органы государственной власти СССР и союзных республик, т. е. «народные комиссариаты», ныне министерства).

В его автобиографии появилось: «Я начал работать в Казнаркомторге: сначала инспектор...»

Мне, автору этого очерка, довелось застать в полном здравии былую сотрудницу Ключкова Раису Яворскую. Она прежде всего засвидетельствовала: «Уважение внушал даже своим внешним видом. Подтянут, веселые глаза, копна непослушных волнистых волос. С людьми сразу же сходилась. Всё в нем являло умение вести за собой. Приходилось видеть, как он кого-нибудь критиковал: глаза – узкие, руками воздух рубит...»

Итак, новоявленный алмаатинец предстает истории для начала в совсем скромной должности. Минул, однако, месяц с небольшим работы в наркомате. И вдруг в одном его письме появилось: «В г. Риддере нахожусь с 6.XII по командировке ЦК ВКП(б) Казахстана по вопросу выборов в Верховный Совет СССР».

Какое же доверие! Рядовому аппаратчику – помочь провести выборы должным образом. Особо замечу, что в том городе избирался глава республики.

И ещё штрихи к портрету будущего политрука. Партийная организация наркомата рекомендует его членом профсоюзного комитета. Еще находка в архиве: однажды избран председателем партсобрания. Но и это не всё. Читаю ещё один выцветший документ – отчет парторганизации наркомата в райком партии: «В агитколлективе есть и такие товарищи, как Ключков (шли ещё три фамилии. – В. О.), которые поняли свою задачу и начали работу, причём увязали агитационно-массовую работу с производственной работой и вместе с коллективом работников прилавка магазинов № 2, 6, 16, 20, 21 и 22 на основе агитационной работы добились выполнения хозяйственных показателей».

Архив продолжает подсказывать мне, как напряжена общественная жизнь Ключкова, но всё в охотку. Вот он докладчик на партсобрании с темой «О работе комсомольской организации» – явно сказывается его кипучая комсомольская работа в юности. То-то же ему поручили вести политические занятия с молодыми наркоматскими сослуживцами. Вот он, председатель шефской комиссии профкома, не отказался стать самоличным шефом одной школы.

8 марта 1941 года, Василию Ключкову 30 лет. Так случилось, что как раз в этот день нарком и секретарь парторганизации подписывают служебную характеристику с его именем. И в каких выражениях – вот несколько из нее извлечений: «Серьезный, добросовестный работник... Уделяет много внимания улучшению работы отдела... Принимает активное участие в партийной и общественной работе... Политически развит, дисциплинирован...»

Благостно? Однако же надо обязательно читать еще одно свидетельство тех дней – выписку из протокола партсобрания с речью Ключкова. Заранее обозначу, что она обжигает неукротимой критичностью, невзирая, как говорится, на лица, выделю, руководящие: «Надо прямо сказать, что предприятий общественного

питания мы не знаем... Развита канцелярско-бюрократическая волокита... Нет в наркомате увязки в работе между отделом треста столовых и ресторанов с отделами прод. и пром. товаров... Многие работники ходят на работу в Наркомат не работать, а показать, что «работают»... Несерьезен подход к подбору кадров как в аппарате Наркомторга, так и в предприятиях общественного питания...»

Нет, не случайны почти одновременные для Ключкова служебная характеристика и его столь ответственное выступление на собрании.

В биографии новые строки: «С 10/V Казнаркомторг назначил меня зам. управляющего Алма-Атинским трестом столовых и ресторанов».

Вот же какое выдвижение – соруководить организацией питания требовательной в столице публики.

Стоит заметить, что и жена нашла работу – медсестра.

Один из новых сослуживцев Ключкова в тресте поведал мне: «В круг его обязанностей входило руководство и контроль за работой 22 столовых, ресторанов и кафе».

Как же руководил? Продолжаю цитату: «Ключков у нас немного поработал, а сколько сделал! Все мы поражались его работоспособности. По его предложению были намечены большие планы по реконструкции предприятий общественного питания, изменению технического оснащения, а также учебы работников треста».

Это всё намерения, а результаты? Есть ответ, и даже «профессионально» изложенный: «Не чурался самоличных проверок. В кафе или в ресторане садился (незаметно) за стол и наблюдал, как и что... Потом разговаривал с администратором или с официантом... Требовал быстрейшего исправления недостатков и строжайше спрашивал с тех, кто допускал нарушения. Всем была хорошо известна его пунктуальность».

Прекрасна майская Алма-Ата... Безмятежно одно из писем этих дней Ключкова: «В Казахстане в этом году ожидается обильный урожай... У тестя в саду разводится большой сад, через год-другой будут плоды... Все живы и здоровы...».

Столь же покойна и строчка о дочуре: «Эличка растет хорошо, ей уже 3,5 года...» Сироткой станет через полгода.

21 июня. Алма-Ата. Вечер. Жена Ключкова исполнила «приказ» мужа – собрать наутро кошёлочку с чем-то съедобным, и в горы: душу отвести в беззаботном уединении от забот суетных.

Чему быть завтра, той ночью знали только газетчики и типографщики, но, ясное дело, не о войне. Утром алмаатинцы прочтут всё еще обычное: о трудовых рекордах передовиков промышленности республики, о том, что в столичной области колхозами закончен сенокос, что кинотеатры поразят не только беззаботной «Песней любви», но и фильмом о победной битве с тевтонцами в далеком 1242-м – «Александр Невский», а в театре быть переполненной весельем «Принцессе цирка».

22 июня. Забрестило утро. Фашистская армия приступила к исполнению приказа Гитлера – война!

Войну давно уже ждали, к ней готовились, и все же она обрушилась побандитски внезапно.

Кто где в это воскресное утро – бойцы, командиры и политработники еще не существующей 316-й стрелковой дивизии. Будущий комдив Иван Панфилов

в Москве. Он вызван в Наркомат обороны из Фрунзе, тогдашней столицы Киргизии, где был военным комиссаром республики.

Клочковы вышли в предгорья и удивились раскинувшимися здесь на многие гектары совхозными яблоневыми садами со знаменитым сортом «алма-атинский апорт». Директор этого совхоза-гиганта Павел Гундилович – будущий командир той самой роты, где быть политруком ему, Клочкову.

Супруги спустились с гор, когда часы на руке Василия Клочкова показывали три часа пополудни местного времени. В Москве было 12. На границах уже гибли...

Они узнали о войне уже на первой окраинной улочке – у фонарного столба с прикрепленным общественным радиорепродуктором.

Жена Клочкова поведала мне: «Василий сказал: “Нинок, вот гад Гитлер, всё же напал на нашу страну”. Как вздрогнуло мое сердце! Я ведь понимала: Василий молод. К тому же коммунист, он пойдет одним из первых...»

Так и произошло. Он, как член партии, прошел партийную мобилизацию. Казахстан решил создать дивизию особого отбора. Об этом я узнал из изысканий доктора исторических наук М. К. Козыбаева. В характеристике на В. Г. Клочкова значилось: «Политически подготовлен. Использовать политруком стрелковой роты».

12 июля – приказ Военного Совета Среднеазиатского военного округа

о формировании в Алма-Ате дивизии, которая мужеством своих воинов – от рядового до генерала – станет легендарной в дни спасения Москвы.

Вот же каким оказался самый первый вклад Казахстана в историю победы над фашистской Германией.

14 июля: Панфилов подписывает особый приказ – дивизия начинает комплектоваться.

16 июля Клочков назначен политруком 4-й роты 2-го батальона 1075-го стрелкового полка. На петлицах отложного воротничка гимнастерки угнездились три алых кубика; до погон с офицерскими звездочками он не дожил, они были учреждены позднее.

В роте русские, казахи, украинцы, киргизы... Война своей обильной кровью их побратала. И в этом тоже была сила панфиловцев.

Клочков в дивизии нашел земляков. Комдив одно время служил на Волге, будущий Герой Советского Союза автоматчик Тулеген Тохтаров – из Риддера (напомню: был здесь в командировке будущий политрук), комроты – алмаатинец

кое-кто из будущих героев боя у Дубосеково родом с Алтая, куда в 1921 году с Волги эвакуировали семью Клочковых, чтобы спасти от жуткого голода.

Газеты и радио день за днём сообщали страшное: наши войска отступали. Политруки особо озабочены: зная о драматическом положении на фронтах, поддерживать, поддерживать веру в победу.

Тяжко приходилось учиться воевать. Строг комдив, без устали втолковывал вековую воинскую мудрость: тяжело в учении – легко в бою. Строевые занятия... Стрельбы... Марш-броски по предгорьям... Учебные бои... Рытье окопов... Бег в противогазах... Всё это под палящим алма-атинским солнцем.

Однажды Панфилов нагрянул в роту Клочкова. Комиссару полка Ахмеджану Латыпову тот день запомнился в подробностях – он поведал мне: «Генералу не понравилось то обстоятельство, что бойцы и младшие командиры роты исполняли приемы штыкового боя вяло, не стремительно и не очень точно. Тогда он подошел поближе и выслушал рапорт командира взвода Джуры Ширматова (он был ранен незадолго до боя у Дубосеково и поэтому не оказался в числе 28-ми. – В. О.). И затем генерал четко и очень красиво исполнил несколько приемов с винтовкой, энергично и стремительно действовал штыком...»

Могу догадаться, что в эти минуты переживал политрук со своим гордым характером.

Еще кое-что из воспоминаний комиссара о Клочкове: «Дивизия вот-вот должна отправляться на фронт, а в его роте ещё не избрали комсорга. Спрашиваю: "В чём дело?" Отвечает: "Людей изучаю, товарищ комиссар"». Каково!

Последний алма-атинский день. Вокзал. Эшелон готовится к погрузке. Отведено некое время для прощаний с приехавшими семьями. Клочкову довелось побыть с женой и дочерью.

Из его дорожного письма сестре: «Из Алма-Аты я выехал 18.VIII. Нина с Эличкой провожали меня... Нина вам вышлет мое фото в военной форме вместе с Элей».

Девочка так доверчиво прижалась к отцу...

Эта фотография дорога не только семье погибшего Клочкова. Она истинно исторической значимости символ чувств тех, кто уходил на войну с фашизмом. Разве не так? Прямо по её лицевой сторонке размашистый почерк: «И за будущее дочки ухажу я на войну».

Совсем как строчка из стихотворения.

Потом такая же мысль выльется у классика русской поэзии Александра Твардовского в обобщающий афоризм:

Страшный бой не ради славы –
Ради жизни на земле...

Что дальше в жизни Василия Клочкова? Поначалу дивизия обороняла Ленинград на дальних подступах. Здесь лично этому политруку было приказано комдивом провести ротой первую в дивизии разведку боем. Потом панфиловцам – доля спасти Москву от двух могучих немецких ударов: в октябре и ноябре. Надо знать: Клочков еще до боя у разъезда Дубосеково за личный подвиг был награжден орденом Боевого Красного Знамени.

В одном из окопных писем в Алма-Ату жене он вывел: «Думаю побывать в Берлине. Уж больно хочется бывать там, где Гитлеру напишут эпитафию: "Собаке – собачья смерть"».

Сохранились и такие строки в других письмах – тоже яркое проявление чувств и настроений: «Буду стараться, чтобы быть героем с присвоением звания Героя...»; «Нина, сегодня видел тебя во сне... Утром встал, и взгрустнулось... Соскучился чертовски за тобой и Эличкой...»

В самом последнем письме в Алма-Ату он вывел: «Милая жена и любимая дочь! Ваш папа жив, здоров, неплохо воюет с немецкими извергами...» Это первые строки.

Чем же закончил? «Частенько смотрю фото и целую вас. Соскучился здорово, но ничего не попишешь, разобьем Гитлера, вернусь, обниму и поцелую. Пока до свиданья».

Закончил этот свой очерк для любимого мною журнала «Простор», и как-то сами собой вдруг вспомнились строчки военных лет старика-акына Джамбула:

Друзья! Не во сне – наяву
Разбойники рвутся в Москву!
В опасности наша Москва!
Помочь ей, немедля помочь,
Врагов измолоть, истолочь,
Откинуть их скопища прочь,
Пожертвовать всем для Москвы!

* * *

О том, как складывалась полная биография Клочкова и что происходило у него и у его боевых соратников в дни и ночи обороны Москвы, можно прочитать в моих книгах «Жизнь и смерть Василия Клочкова» (Москва, 1979) и «Пять месяцев дороги в Дубосеково» (Москва, 2001). В последней имеется значительный фактический материал с опровержением публикаций тех, кто бездоказательно, а значит, безнравственно взялся за оговор боя 28-ми героев-панфиловцев: не было-де боя.

Ценю старинную казахскую поговорку «Ерлікте қорлық жоқ. – Мужеству позор неведом».

